

© И.Л. Бабич

ПОЛИТИКА И КРУГИ ОБЩЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗЦЕВ ВО ФРАНЦИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Ключевые слова: Франция, северокавказские эмигранты, культура, адаптация, политика

Кроме русских эмигрантов, во Францию в 1920-е годы приехали и северокавказцы, не готовые мириться с установлением советской власти в своем регионе. Статья, подготовленная на основе архивных и полевых этнографических материалов, собранных во Франции, посвящена изучению социально-общественных и национально-культурных сред, в рамках которых выходцы с Северного Кавказа могли общаться в новой стране в 1920–1930-е годы. Это позволило автору рассмотреть вопрос о роли этнического фактора в ходе адаптации горцев к новой жизни и сделать вывод о том, что в основе их существования во Франции была “политическая” ориентация (монархическая или националистическая). Этнический фактор был важен лишь в рамках определенной политической группы. Постепенно национальная идентичность северокавказцев размывалась.

В течение 1920–2010-х годов было несколько волн северокавказской эмиграции в Европу. После 1917 г., когда в Российской империи совершились Февральская, а затем и Октябрьская революции, в стране произошел массовый отъезд населения. Среди тех, кто оказался не готов принять советскую власть, были и северокавказцы. Им, как и остальным эмигрантам из России, предстояло приспособиться к жизни в изменившихся условиях. Одним из важных инструментов адаптации являлось формирование национально-культурных и социально-общественных сред (сообществ), в рамках которых северокавказцы могли общаться, чувствовать себя относительно комфортно в новой стране.

Цель предлагаемой статьи — на основе собранных автором во Франции архивных материалов (архив азербайджанского деятеля Али Мардана Топчибаши, архив Префектуры полиции, архив Парижа), полевых этнографических данных, а также опубликованной информации описать формирование различных политических, национально-культурных и социально-общественных сред, в которых северокавказские эмигранты общались в 1920–1930-е годы, и проанализировать роль ключевых факторов (социального, политического, профессионального, этнического, религиозного и культурного) в этих процессах.

Среди выходцев с Северного Кавказа можно выделить две основные категории беженцев: монархически ориентированные (в т.ч. и горцы-казаки) и националистически ориентированные. Первые в силу своих политических убеждений тяготели

Ирина Леонидовна Бабич | <http://orcid.org/0000-0003-1879-1608> | babi7chi@yandex.ru | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Ленинский пр-т 32а, Москва, 117303, Россия)

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

к русской среде, а вторые всячески ее сторонились и выстраивали свои круги общения. Формирование связей русских эмигрантов проходило иными путями, чем у кавказцев (северокавказцев), поскольку, во-первых, у них не было столь явных политических противоречий, и во-вторых, их было значительно больше: это облегчало создание многочисленных кругов по интересам и иным критериям (Менегальдо 2001; Сабенникова 2002).

В настоящее время нынешние переселенцы с Кавказа (в т.ч. и с Северного), а также российские исследователи начали активно заниматься историей кавказской эмиграции в 1920–1930-е годы в Европу. В целом изучаются общественно-политические аспекты этого явления, в частности кавказские националистические движения, в основу которых были положены идеи независимости Кавказа, а также судьбы отдельных идеологов этих движений (Г. Мамулия, М. Вацагаев, С.М. Исхаков, Х.-М. Доного, И.Л. Бабич и др.) (Бабич 2016; Исхаков 2001; Mamoulia 2007). Представляется чрезвычайно интересным этнографическое исследование адаптации северокавказцев к европейской жизни и культуре, выявление основных механизмов данного процесса.

Кавказцы и национализм

Хотя для кавказцев главным в эмиграции было привыкание к французской жизни, тем не менее значительной составляющей их повседневности являлась общественно-политическая деятельность, связанная с формированием политических партий, движений, с формулированием политических программ. В основе всех программ, уставов этих объединений лежал вопрос о видении будущего Кавказа — либо в составе России, либо независимого — одного государства, нескольких государств или конфедерации государств.

Во Франции оказались кавказцы (в т.ч. и северокавказцы) разных политических взглядов. С одной стороны, вместе с волной военной эмиграции в страну прибыли уроженцы Северного Кавказа, которые до 1917 г. служили в императорских вооруженных силах (в Российской армии и казачьих войсках). Получив образование и воспитание в российских военных учебных заведениях, перейдя в казачье сословие, пожив с остальными казаками бок о бок в российских станицах юга страны, они, как правило, имели монархические взгляды, были преданы последнему русскому императору Николаю II, разделяли пророссийские взгляды на историю включения Кавказа, в т.ч. и Северного, в состав Российской империи. Такие эмигранты (чаще всего — участники Белого движения в России в 1917–1922 гг.) и во Франции сохраняли свои политические воззрения.

Главной целью большинства так наз. националистических кавказских объединений было создание независимых от России кавказских государств. Наиболее популярной, или, точнее, наиболее пропагандируемой, была концепция формирования нескольких самостоятельных государств в форме *Конфедерации народов Кавказа (Кавказской конфедерации)*. Эта идея появилась в эмигрантских кругах практически сразу, ее инициатором был крупный азербайджанский деятель Али Мардан Топчибаши, который сумел объединить вокруг нее большую часть кавказских общественных сил. Целью данного движения было привлечь сторонников единого государства на базе нескольких (четырех) менее крупных государственных объединений: Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа. Концепция была поддержана грузинами, азербайджанцами и северокавказцами, но не армянами, которые в силу целого ряда причин на протяжении многих лет отказывались участвовать в движении. В 1924 г. был подготовлен и подписан общественными деятелями Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа документ об образовании Конфедерации четырех республик Кавказа (за Арменией было оставлено место в Конфедерации) (АМТ: Кор. VII).

Идеологи независимости Кавказа от России стремились использовать сложившуюся в империи революционную ситуацию и период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Зарубежные делегации Северного Кавказа, Армении, Грузии и Азербайджана, состоявшие из тех, кто в 1917–1919 гг. занимал различные должности в правительствах, прибыли в 1919 г. в Париж на мирную конференцию¹, во время которой попытались получить признание своей независимости у европейских держав. Сделать это не удалось. В результате руководители и члены делегаций остались во Франции, сосредоточившись на активной общественно-политической борьбе за это признание.

Безусловно, разные взгляды на будущее Кавказа оказывали влияние на характер взаимоотношений представителей кавказских народов (северокавказцев, грузин, азербайджанцев и армян), очутившихся в эмиграции в 1920–1930-е годы. Поэтому можно говорить о том, что во Франции (главным образом в Париже) существовали разные кавказские круги, точнее, “пророссийские” и “националистические”. Среди кавказцев, которые стремились к общественной деятельности, были те, кто следовал своей политической ориентации и не контактировал со своими соплеменниками, имевшими другие воззрения. Были и те, кто старался общаться со всеми соотечественниками. Особенно остро политические разногласия задевали северокавказцев, которых было значительно меньше, чем представителей Южного Кавказа.

Выходцы с Северного Кавказа, желавшие создать собственное независимое государство, всячески ограничивали свои контакты с русскими эмигрантами. В своих публикациях на Западе они постоянно критиковали политику Российской империи на Кавказе, русскую культуру и идеологию. Как отмечал историк М. Вачагаев, чеченцы Чермоевы, кумыки Бамматы стремились к тому, чтобы французы идентифицировали их отдельно, как горцев, и не смешивали ни с русской, ни с кавказской послереволюционной эмиграцией. Уже в 1920-е годы во Франции никто не причислял армян, азербайджанцев и грузин к русской диаспоре: они выделились и создали собственные круги общения. Чуть позже, ближе к 1930-м годам, и украинцы перестали ассоциироваться с русскими — у них появились свои церкви, школы. Горцы-националисты с Северного Кавказа тоже хотели построить свое обособленное сообщество, потому что боялись раствориться в общей эмиграционной массе и потерять национальную идентичность (*Вачагаев 1*).

Во Франции велись жаркие дискуссии по поводу роли русской культуры на Кавказе вообще и на Северном Кавказе в частности. Осетин, один из тех военных Российской армии, участников Гражданской войны на стороне Белой армии, которые в дальнейшем поменяли свое отношение к России и к включению Северного Кавказа в состав империи, Барасби Асланбекович Байтуганов в статье “Нужно ли это?” подчеркивал:

В последнее время в некоторых кругах национальной северо-кавказской эмиграции выдвигается странная, по меньшей мере, тенденция. Эти круги приписывают русской культуре в будущих судьбах Северного Кавказа какую-то исключительно положительную роль: они выделяют эту культуру из ряда иных культур и считают, что развитие Северного Кавказа, даже при условии независимого существования, немыслимо без тесной связи с нею. В качестве аргумента выставляется при этом наша география: соседство наше с Россией, с источником этой культуры... Практическая польза такого исключительного отношения к русской культуре для нас непонятна. Мало того, выявление этой тенденции в настоящий момент, когда национальный Северный Кавказ должен всячески противодействовать влиянию русской культуры, кажется нам опасной... Общечеловеческая ценность русской культуры — относительна. Главной особенностью этой культуры является ее подражательный, заимствованный характер. Все определяющие ее факторы, начиная с христианства и кончая марксизмом, были импортированы на русскую почву с Запада и Востока... Но особенно опасным свойством русской культуры является ее необыкновенная агрессивность, воинствующий

шовинизм, ее нетерпимость к иным с ней соседящим культурам. Всю историю русского народа можно охарактеризовать как постоянное стремление распространить свою политическую власть и свой язык, религию и культуру на возможно большее число иных народов, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность (*Байтуган* 1934).

Представители националистических воззрений организовали в эмиграции ряд объединений, которые помогали им вести работу. Так, во Франции появилась *Народная партия горцев Кавказа* (ее членами стали карачаевец М.Л. Абуков, осетины К.-Х. Бесолов, Д. Дзанти, Т. Елекхоти и др.). Участник этого объединения (под псевдонимом Рядовой Горец) писал в журнале “Горцы Кавказа”, что казачество стремится решить все свои вопросы путем “дальнейшего расчленения Горцев и в стеснении их территориальной жизни” (Рядовой Горец 1929). Мурза-Бек в своей статье “К вопросу о северных границах Республики Горцев Кавказа” подчеркивал:

Не так давно в эмиграции народилась группа идеологов казачьего великодержавия и развернула флаг своей самостийности на страницах журнала “Вольное Казачество”... Сначала журнал говорил о независимом государстве, объединяющем три казачества: Донское, Кубанское и Терское (*Мурза-Бек* 1930: 33).

Между эмигрантскими движениями северокавказских горцев и казаков существовали территориальные разногласия. Они по-разному отвечали на вопрос, в каких границах планируют создавать свои независимые государства – Кубань и республику Северного Кавказа. Так, горцы считали, что “казачье население в Терской области Горской Республики – население пришлое” и северокавказцы имеют право “на весь Терский край в целом” (*Мурза-Бек* 1930: 36–37, 41). “Только Дон – исконно казачья территория” (Там же: 55).

Для кавказских эмигрантов-националистов было важно включиться и во французскую среду. С одной стороны, они ожидали от французов и финансовую, и правовую, и моральную помощь и поддержку в своей борьбе за независимость Кавказа (АМТ: Кор. IV). С другой стороны, эмигрантам нужно было адаптироваться к жизни в новой стране.

Для сближения с французской политической и военной элитой кавказцы во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов устраивали балы, на которые приглашались ее представители. Часто рауты приурочивали к французским праздникам, например, Дню взятия Бастилии (14 июля). Так, в 1933 г. гостем вечера, проводимого Союзом бывших армян-комбатантов, был Анри Филипп Петен – крупный военный и государственный деятель, маршал Франции (с 1918 г.).

В 1920-х годах Комитет черкесских беженцев Северного Кавказа также организовывал балы, на которые звались известные и влиятельные французы, например: члены семей еврейских банкиров, проживавших во Франции с начала XIX в., бароны д’Эйхталь и Генри Ротшильд; французский дипломат Жозеф Луи Филипп Берто, который много лет провел в Азии и хорошо знал и понимал восточно-азиатские проблемы; генерал Эдмон Альфонс Буат, с 1920 г. занимавший должность начальника Генерального штаба французских войск; герцогиня Анна д’Юзес, французская аристократка, политический деятель, активная участница различных парижских обществ и благотворительных организаций; маркиза де Сен-Поль, пианистка, имевшая музыкальный салон; баронесса Лазер (была медсестрой во время Первой мировой войны); Жюстен Годар, политик, министр труда и гигиены в 1922–1923 гг., и др.

Особое значение кавказские политические лидеры придавали средствам массовой информации, с помощью которых они планировали привлечь внимание к своей родине, объяснить ее проблемы и т.д. Так, в престижной гостинице “Лютеция” кавказцы – члены *Комитета дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины*

организовали специальную встречу с главным редактором швейцарского издания “Журнал де Женев” Жаном Мартэном. Чтобы французы лучше понимали Кавказ, его особенности и политические амбиции, кавказские активисты стали переводить на французский язык протоколы заседаний эмигрантских общественных организаций, которые в настоящее время хранятся в архиве Али Мардана Топчибаши.

Еще до революции, в 1913 г., в Париже французским востоковедом Абдон-Буасоном было создано общество *Франция–Восток* (France–Orient). В 1920–1930-х кавказцы использовали эту площадку для проведения встреч с французами (АМТ: Кор. IV). Например, 21 ноября 1933 г. под председательством президента Французской Республики в клубе “Иена” состоялся банкет в честь 20-летия существования общества, на котором присутствовало много влиятельных выходцев с Кавказа: грузин А.И. Чхенкели, армянин А.И. Хатисов, кумык Г. Баммат, азербайджанец Д. Гаджибейли и др. Во время торжества дочь Али Мардана Топчибаши – Север Ханум исполняла азербайджанские народные танцы, а затем были устроены турецкие (Хроника 1934: 15).

В целом контакты с местной элитой были ограничены в силу того, что лишь единицы из северокавказской общины приехали в новую страну со знанием французского (кумык Г. Баммат, адыг А. Намиток, осетин Д. Дзанти). Большинство на нем не говорило и предпочитало общаться либо с кавказской, либо с русской диаспорой, в которых использовался русский язык. Им северокавказские эмигранты владели хорошо.

Для политических целей привлекались и турки. Во Франции в те годы не было большой турецко-северокавказской диаспоры и, соответственно, турецкой среды, но была достаточно плотная связь между северокавказскими и азербайджанскими эмигрантами и турецко-северокавказской диаспорой из самой Турции. Для Северного Кавказа и Азербайджана Турция являлась стратегическим партнером в их борьбе за независимость. В 1926 г. в Стамбуле была подписана Декларация и составлен регламент *Комитета независимости Кавказа*. Он учредил журнал “Прометей” (на франц. яз.) (АМТ: Кор. X). В 1920-е годы в Турции появились азербайджанская и северокавказская диаспоры, которых называли там “белые мусульмане России” (АМТ: Кор. I). Потомки северокавказцев, эмигрировавших с родины в Османскую империю в течение XIX – начале XX в., охотно контактировали с новой волной северокавказцев Франции, предлагая свои силы в совместной общественной борьбе (*Джаван* 1935). В 1935 г. во Франции по инициативе азербайджанских эмигрантов был организован тюркский орден *Серый волк*. Как указано в его уставе, он есть “национальный, расовый и военный орден народов Тюркской расы”. “Орден имеет целью – Защита Родины каждого народа в отдельности и всеобщей Родины Тюрков, так как и защита всех религиозных доктрин, исповедуемых Тюрками, от всяких нападений и всяких антирелигиозных пропаганд... защита и пропаганда национальных тюркских традиций... защита семейных традиций, вдов и сирот”. В общество принимались лица обоего пола от 21 года, которые могли доказать свое тюркское происхождение (АМТ: Кор. V). Создание такого ордена, безусловно, способствовало укреплению связей между кавказскими эмигрантами во Франции и кавказцами в Турции.

Кавказцы и монархизм

Наряду с этим во Франции появилось множество военных организаций, которые собирали отдельные российские полки, части и т.д. Были и крупные объединения, например *Союз офицеров Кавказской армии* и др. Туда входили и русские, и кавказцы – военные, приехавшие из южных городов России: Владикавказа, Ставрополя, Нальчика, Грозного, Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков. Большинство русских эмигрантов, родившихся на Кавказе, служили там чиновниками в военных частях или стали кавказоведами.

Казачье сообщество было важной частью культурного пространства Франции. В основном в эмиграции были три группы казаков: донские, кубанские и терские. Северокавказцы имели тесные связи с кубанскими и терскими. Для тех выходцев в Северного Кавказа, которые принадлежали к казачьему сословию, казачья среда стала основной и в новой стране. Во Франции все военные и казачьи подразделения образовали общественные объединения. Князь, генерал-майор, кабардинец Тембот Бекович-Черкасский, имевший ордена Св. Георгия 4-й и 5-й степеней, много лет в эмиграции был членом *Союза Георгиевских кавалеров*, а в 1943 г. стал его председателем (*Мнухин, Авриль, Лосская* 2008: 23). Было и *Кубанское объединение казаков*. В него входили как собственно казаки, так и горцы-казаки. Среди его членов можно назвать, например, адыга, полковника Венедикта Евдокимовича Кучмия или уроженца Майкопа Константина Тимофеевича Баева. В 1930 г. в Лионе был устроен *Кубанский хутор*, на котором находилось 60 казаков. Они также проживали вместе в станицах, созданных в Монтаржи, Труа, Марселе, Шампани и даже Париже. Во Францию переехало много казаков родом из Майкопа, Черкесска или Екатеринодара (LFP). Среди них были, например, хорунжий Кубанского войска Михаил Еременко, который служил вместе с другим известным кубанским казаком, западным адыгом (натухайцем), генералом С.Г. Улагаем, и Федор Иванович Елисеев, который организовал танцевальную группу джигитов, успешно гастролировавшую по странам Европы и Юго-Восточной Азии (в нее входили и западные адыги Н.С. Асланов, Чуков).

В эмиграции было создано *Объединение терских казаков (терцев) во Франции*. Перечислим некоторых его членов-осетин: хорунжий Александр Агоев; генерал-майор Константин Агоев, ставший к 1953 г. зам. председателю войскового атамана Терского казачьего войска; Н.М. Байтуганов; Д.Н. Габанов; А.А. Гагосов и мн. др. Осетины активно участвовали в деятельности казачьих союзов. Были и русские казаки, родившиеся в Терской и Кубанской областях (например, В. Аксенов, И. Баранников, А.И. Шелудченко). В 1930-е годы в Париже проживал один из идеологов казачьего движения, основатель журнала “Вольное казачество” (Прага) И.А. Билый (*Мнухин, Авриль, Лосская* 2008).

В 1920–1940-е годы во Франции работал *Союз кубанских писателей и журналистов*. Конечно, казаки-литераторы были связаны с северокавказцами. Например, известный в эмиграции поэт, казак Иван Иванович Сагацкий в 1938 г. издал в Париже сборник стихов “Память”, в 1942 – сборник стихов “Встречи”. Он был хорошо знаком с упомянутым выше эмигрантом-кабардинцем, генералом-майором Темботом Бекович-Черкасским, на смерть которого написал стихи (1954 г.) (АМТ: Кор. I).

Часть северокавказских лидеров была увлечена масонскими идеями и примкнула к русским масонским ложам, которые начали активно действовать во Франции. Русские эмигранты, проживавшие в Париже, стали инициаторами создания ложи для кавказцев. Среди ее основателей был Юлий Федорович Семенов (родился в Тифлисе), который еще до революции работал редактором газеты “Кавказское слово”. В эмиграции он стал членом *Славянского комитета в Париже, Русского национального комитета*, главным редактором газеты “Возрождение”. Другие примеры членов кавказской масонской ложи: владелец черепичного завода в Грозном Павел Леонардович Штейнгель и его старший брат, помещик Алексей (родились во Владикавказе); имевший нефтяной бизнес в Грозном, собственник домов во Владикавказе Федор Штейнгель; военный востоковед, генерал-майор Генерального штаба Николай Лаврентьевич Голеевский; востоковед, военный Андрей Анатольевич Лобанов-Ростовский; владелец нефтяного бизнеса на Кавказе Алексей Иванович Путилов.

Целью этой организации было “участие масонов в восстановлении монархической жизни в России”, поэтому среди политических вопросов, задаваемых профанам (т.е. желающим вступить в ложу), главными стали следующие: об отношении к России и будущей форме правления в ней, об отношении к будущему национальных

регионов бывшей Российской империи, в т.ч. и Кавказа (Бурышкин). Политические взгляды северокавказских лидеров, которые стремились вступить в русские ложи, имели большое значение: для новых членов проводилась отдельная беседа на эту тему. Как правило, все они имели промонархические взгляды и видели Северный Кавказ в составе будущей Российской империи. Исключение составляла позиция члена III Государственной Думы, мусульманина Ибрагим-Бека Исабековича Гайдарова (Гайдара), который подчеркивал: не следует преуменьшать роль и влияние ислама на народы Северного Кавказа. В беседе с русским масоном П. Половцовым он говорил, что “в мусульманской стране не может быть отделения *церкви от государства*, ибо ислам руководит и школой, и судом и т.д.”, подразумевая под такой страной свой родной Дагестан. Далее он уточнял: “Для дагестанца шариат и адаты – вполне достаточный свод законов, другого ему не понять” (АБЛФ).

Некоторые семьи северокавказских военных-эмигрантов, например Бековичи-Черкасские и Хагондоковы, были тесно связаны с русской диаспорой. Имя дочери К. Хагондокова – Эльмесхан (Лейла), но еще в России она предпочитала называть себя русским именем Гали. В эмиграции она говорила французам, что она русская (*Вачагаев 2*). Дочь осетинского офицера Михаила Абациева вспоминала, что ее отец имел близкого русского друга, родившегося в Екатеринодаре (ныне – Краснодар), штабс-капитана саперного Донского батальона С.М. Кожевникова (1897–1985). Членом *Дамского комитета Казачьего союза* и *Терского объединения казаков во Франции* была уроженка Владикавказа Нина Георгиевна Стортенбекер. Во время Гражданской войны она участвовала в Первом Кубанском походе в качестве медсестры, а в эмиграции стала также членом *Объединения сестер милосердия Российской общины Красноя Креста* (РОКК). Она организовывала благотворительные вечера и балы казачества, была дружна со многими северокавказцами, особенно с осетинами.

Другой пример. Круг общения адыга, дипломата Василия Николаевича Гаджемукова и его родственников включал, во-первых, его бывших сослуживцев (в основном русских), тех, с которыми он работал последние годы перед эмиграцией в Константинополе, и, во-вторых, русскую (казачью) среду. Дипломат много лет трудился на Востоке, последними местами его службы были следующие: российский консул, начальник Дерсиманского р-на (турецкая провинция Тунджели) (1917), первый драгоман Российской дипломатической миссии в Константинополе (1920–1922) (СГ). Многие сотрудники константинопольского посольства в конце 1922 – начале 1923 г. переехали во Францию. Среди них были Константин Михайлович Ону и Сергей Владимирович Тухолка, с которыми В.Н. Гаджемуков сохранял контакты и в эмиграции. В 1921 г., когда Гаджемуков был еще в Константинополе, у него родилась дочь Нина. Девочка была крещена в церкви Св. Николая Русского округа при общезжитии № 6 (СГ). Ее восприемниками стали сотрудники миссии: первый драгоман российского посольства в Константинополе С.В. Тухолка и жена советника посольства К.М. Ону – Екатерина Константиновна. Тухолка (1874–1954) с 1924 г. жил в Париже, работал переводчиком, увлекался оккультизмом. 17 октября 1924 г. у Гаджемукова в Марселе родилась дочь Александрина (Александра). 12 декабря она была крещена в местной церкви Воскресения Христова. Восприемниками стали бабушка девочки Елизавета Васильевна Гаджемукова и бывший секретарь посольства в Константинополе Андрей Михайлович Ону (1881–1950). В эмиграции оказались три брата-дипломата: Андрей, Константин и Александр Ону. Константин Михайлович работал вместе с В.Н. Гаджемуковым в Российской дипломатической миссии в Константинополе (1920–1922). Андрей (1881–1950) и Константин (1875–1950) обосновались в пригороде Парижа Клараре. Туда со временем перебрался и один из сыновей В.Н. Гаджемукова – Измаил, который, как и братья, похоронен на местном кладбище. Известно, что адыгский дипломат встречался в Париже с крупным казачьим деятелем Н. Туроверовым. В семейном архиве Гаджемуковых есть об этом материалы.

Н. Туверовов писал стихи, посвященные северокавказским народам, например “Чеченская песня” (СГ).

Русские интересовались Кавказом и изучали его. Генерал Генерального штаба, ставший в эмиграции кавказоведом, Д.Н. Воронец (1852–1932) читал лекции по осетинскому языку в Школе восточных языков в Париже. Его сын, профессор Г.Д. Воронец, в 1928 г. при французском Институте восточных языков открыл курсы осетиноведения и осетинского языка (Чуваков 1999: 549).

Были и кавказцы, которые тяготели к русской среде. В Париже был организован *Очаг друзей русской культуры*, и в его работе принимали участие и кавказцы. Например, армянин А.И. Хатисов выступил с докладом по истории и культуре Армении, осетинский писатель Гайто Газданов на заседаниях молодых писателей и поэтов (“Вторники”, “Кочевье”), которые посещали М. Цветаева, Н. Бердяев, И. Куприн, С. Эфрон, М. Слоним, читал свои произведения (Мнухин 1995: 89, 120).

Политические разногласия кавказцев вообще и северокавказцев в частности, безусловно, отразились на системе организации материальной и иной помощи беженцам. Те, кто имел монархические взгляды, контактировал с русскими и пользовался русскими фондами, те, кто – националистические, создавал свои фонды и прибегал только к ним. Многим удалось вырваться из нищеты первых лет эмиграции, некоторым – нет.

Покажем это на примере деятельности Земгора. Изначально это была посредническая структура по распределению государственных оборонных заказов, созданная в Российской империи в 1915 г. на базе земств и городских судов. В 1920 г. в Париже русскими эмигрантами по инициативе французского правительства было учреждено *Объединение земских и городских деятелей за границей – Земгор* (Comité des zemstvos et municipalités russes de secours des citoyens russes à l'étranger). Оно стало посредником в распределении получаемой из разных источников помощи для русских беженцев. Северокавказцы, которые в Российской империи служили военными, казаками, чиновниками, и в эмиграции сохраняли приверженность единству Российской империи, охотно обращались в Земгор. Среди таких были: адыги: военные – офицер Пши-Мурза Тамбиев, участник Добровольческой армии В.Е. Кучмий, генерал Российской армии К. Хагондоков, полковник Г.С. Хубияров, казаки – А.А. Джагинов, И.М. Кочарев, К.И. Хачкурусов, Ш. Кефов, М.Ш. Шогенов, В.Н. Кудашев, И. Пшизов; осетины: военные – К.С. Латиев, А.О. Сикоев, Х.Г. Сикоев, И. Туваев, О. Гусалов, казаки – Х.П. Тибиков, Д.Н. Габанов, А.А. Жускаев, Х.-М.А. Чельдиев, П.В. Циклауров, Г.П. Татонов и др. Есть в архиве фонда и просьбы от северокавказских женщин: З. Маймескуловой, Г.А. Султан-Гирей, А.Д. Джабагиевой, М. Джамбаровской.

Впоследствии в Земгор обращались и дети северокавказцев, приехавшие во Францию вместе с родителями. В организации был отдельный фонд для предоставления стипендий студентам, в т.ч. и студентам-кавказцам (АЦК: Ф. 13. Оп. 2).

Земгор стал инициатором создания во Франции ряда старческих домов (домов престарелых), куда попадали больные или просто пожилые русские эмигранты, за которыми некому было ухаживать. Многие северокавказцы также проводили в них свои последние годы. Осетин, генерал-майор Собственного конвоя Его Величества Я.В. Хабаев был председателем отдела *Союза русских военных во Франции* (1931 г.), членом инициативной группы помощи престарелым инвалидам (1938 г.). Иногда северокавказцы работали в администрации этих домов. В Ницце был организован старческий дом для военных инвалидов. Одно время его директором был осетин, полковник А.Н. Колиев.

В русском доме военных инвалидов в Монморанси проживали кубанский казак, полковник Г.С. Хубияров, осетин, полковник Терского войска Г.Г. Дотцев, вдова упомянутого выше кабардинца Тембота Бекович-Черкасского, кумычка, княжна Надживат Капланова, осетин, полковник Кирилл Константинович Акоев (там же

позже находилась и его вдова Мария Александровна Сверчкова). В русском доме в Шелли доживал свой век западный адыг, казак В.Е. Кучмий, в русском доме в Ницце – осетин, казак Хаджи Омар Асланбекович Мистулов (АН: Rég. 1270). В доме престарелых в Кормей-ан-Паризи находились осетины: генерал-майор Генерального штаба Г.П. Татонов, полковник Терского казачьего войска, член *Объединения осетин во Франции* К.С. Лотиев (Некролог 1969а; Некролог 1969б), А.А. Гагосов, родной брат А.К. Бурнацева (основателя *Объединения осетин во Франции*, Института осетиноведения во Франции) – М.К. Бурнацев. Кабардинец, князь Владимир Николаевич Кудашев последние годы проживал в Русском общежитии для стариков, расположенном в пригороде Канн Валлорисе и созданном Красным Крестом, в этом же доме оказался осетин Иван Туаев. Общество *Быстрая помощь* было образовано в предместье Парижа Ганьи в 1945 г. для оказания помощи русским эмигрантам-беженцам. Одним из его организаторов был армянин, масон М.С. Тер-Погосян, а одним из директоров – осетин, офицер Российской армии М.Н. Абациев. Последние годы жизни в русском доме в Сент-Женевьев-де Буа вместе с женой Марией Николаевной провел и упомянутый выше дипломат, адыг В.Н. Гаджемуков (СГ).

Во Франции в 1920-е годы появились различные северокавказские общественные союзы, которые стремились к объединению своих соотечественников в эмиграции и организации помощи горцам-беженцам (*Ассоциация беженцев-горцев Северного Кавказа*, *Союз горцев Кавказа*, *Общество горских народов Северного Кавказа*). Самыми крупными и активными в те годы были две северокавказские общины – осетинская и адыгская (черкесская). Кавказцы вообще и северокавказцы в частности, с одной стороны, обращались в русские фонды, а с другой – создавали свои (национальные) фонды. Часто они назывались по этнической принадлежности народов Кавказа, например, в Париже активно работал *Комитет по оказанию помощи черкесским беженцам Северного Кавказа в Париже* (Le Comité de Secours aux Réfugiés Circassiens du Caucase du Nord à Paris). Его президентом был авторитетный кабардинец, генерал Российской армии К.Н. Хагондоков, членами – ингуш М. Куриев, осетин, генерал М. Дударов и др. Комитет проводил благотворительные балы в модных залах Парижа, на которые приглашались русские и кавказские певцы, танцоры и т.д. Доходы от этих вечеров шли на оказание помощи черкесским беженцам (АМТ: Кор. XI). В 1932 г. в префектуре полиции Парижа была зарегистрирована *Ассоциация горских беженцев Северного Кавказа во Франции* (Association des Réfugiés Montagnards du Caucase du Nord en France). Ее президентом стал кабардинец Руслан Джанбеков, вице-президентом – дагестанец Ахмед Хан Аварский, казначеем – кумык Рамазан Бикежев. Членами ассоциации были люди разных профессий и политических взглядов (в т.ч. масоны и военные Российской армии): Патиш Оптанов, Батыр бек Сикоев, Борок Бжегаков, Джамал Албогачиев, Саид Эмин Тукаев, абхаз Иван Шервашидзе² и др. Большинство из них проживали во Франции, но были и члены из других европейских стран (например, К.-Х. Бесолов из Чехии). 27 марта 1932 г. ассоциация провела общее собрание молодежи (присутствовало 32 человека, среди которых – А. Аварский, Барагушев, Барачук, К.-Х. Бесолов, Джавиташвили, Кази Хан, Отпанов, Уцлиев, Эльдаров, Беслениев, Давидашвили, Довусоков, Кануков, Кармов, Г.Я. Туаев, Тукоев, Хакуро, Девлет Шакманов) для того, чтобы организовать Кассу взаимопомощи горцев Кавказа. Были собраны взносы (10 франков в год с каждого члена) (АМТ: Кор. IV).

Существовали и региональные объединения. В 1933 г. была создана общегорская общественная организация *Братство Горцев Кавказа в Лионе*. Его председателем стал дагестанец (кюринец) Абдул-Муталим Бабаев. Целью братства было предоставление помощи северокавказским эмигрантам, его фонд пополнялся за счет членских взносов (в размере 10 франков в год с каждого члена) (Хроника 1933).

Благотворительные концерты в пользу переселенцев проводили в Париже и *Объединение черкешенок Северного Кавказа во Франции* (Union des Dames Circassiennes du Caucase du Nord en France), и *Объединение осетинки Северного Кавказа во Франции*. В 1925 г. почти одновременно появились два общества: *Осетинское национальное объединение* и *Объединение осетин во Франции*. К 1930 г. их руководителям удалось договориться, и две организации слились в одну — *Объединение осетин во Франции* (состав правления: М.Н. Абадиев, К.С. Лотиев, А.К. Бурнацев). Приблизительно в то же время был создан и *Союз осетинки в Париже*. Естественно, эти площадки были местом частного общения членов осетинской колонии. Кроме упомянутых выше курсов осетиноведения и осетинского языка профессора Г.Д. Воронца в 1932 г. при европейском центре Музея Н.К. Рериха в Париже был образован научный Комитет осетиноведения (руководитель Д. Дзанги), который стал издавать журнал “Осетия” (Мнухин 1995: 35, 45).

Было ли у эмигрантов стремление общаться с представителями своей колонии? Безусловно. Северокавказцы в эмиграции контактировали как с единоплеменниками, так и с братьями-горцами. Например, крупнейший деятель Северного Кавказа кумык Гайдар Баммат дружил с северокавказцем Исламбеком Хандаевым, осетином А. Кантемиром, адыгом Муратом Натырбовым. Особенные отношения его связывали с художником, дагестанцем Халилом Мусаевым. В семье потомков Гайдара до сих пор хранится картина, написанная Х. Мусаевым, на которой изображены дети Гайдара. Его сын Тимур дружил с адыженкой Лейлой Тлигуроковой (ПМА: М. Баммат). Если у кого-то из северокавказских эмигрантов возникали проблемы (с властью, полицией и т.д.), то они всегда приходили друг другу на помощь. Например, когда осетин Т. Елекхоти оказался во французской полиции и на него было заведено следственное дело, то положительные рекомендации на него не побоялись дать кабардинец К.Н. Хагондоков и чеченец А.М. Чермоев (АПП: Елекхоти, № 7.157). В 1930 г. у врача, кабардинца И. Шакова появились судебно-медицинские проблемы. К нему на помощь пришел балкарец, адвокат Т. Шакманов. Как правило, именно северокавказцы и казаки поддерживали одиноких эмигрантов или сообщали в мэрию Парижа о смерти своих одиноких соотечественников. Когда в возрасте 57 лет скончался проживавший в одиночестве осетин, штабс-ротмистр М.В. Хоранов, мэрию об этом проинформировал другой осетин Борис Сикоев (АП: 1942. Rég. 4640. 15-й округ). В 1969 г. умер одинокий казак ст. Ново-Осетинской, полковник Терского Казачьего войска, награжденный всеми боевыми орденами и Георгиевским оружием, осетин К.С. Лотиев. “Терцы”, т.е. сослуживцы Лотиева по I Волгскому полку, сообщили через газету о его смерти. Об уходе казака ст. Черноярской, последнего начальника Штаба Терского казачьего войска, полковника, осетина Георгия Степановича Хутиева также написали “терцы” (Некролог 1964; Некролог 1969а).

Большинство северокавказцев проживали в 15-м округе Парижа, причем иногда на соседних улицах, в соседних домах или квартирах. Это позволяло им часто общаться. В те годы в Париже приобрел известность кавказский ресторан осетина, офицера кавалерийского полка Султана Битарова, который часто предоставлял свое помещение для встреч осетинской диаспоры. В семейном архиве его потомков сохранилась фотография, сделанная не позже 1940 г., на которой изображены осетины Газаев, Газанов, С. Битаров, К. Есиев, К. Габулов, О. Гусалов, А. Худалов, Г.Г. Дотцев, И.Т. Харрадунов, Г.О. Джанаев (с супругой), Цараева, Кабалоева и Е.К. Бурнацева (ПМА: Т. Битарова). В Париже офицер ингушского полка Андрей Берс был владельцем ночного ресторана “Кунак”, который располагался на бульваре Монмартр, свой ресторан имел осетин Аслан Бек Худалов, большую популярность приобрел ресторан “Джигит” (Реклама 1930). В таких заведениях часто звучала кавказская музыка и исполнялись кавказские танцы. Например, в них с танцами выступали ингуш Дж. Албогачиев, осетин Г.О. Джанаев (один из старейших членов общества *Осетинский аул*

во Франции), ротмистр Осетинского эскадрона Терского полка Григорий Яковлевич (Мурад-бей) Туаев. Последний работал в парижском ресторане “Бор”, кабаре “Pile ou Face” (по адресу ул. Пигаль, д. 59), где исполнял лезгинку, участвовал в ревью в “Casino de Paris” (Реклама 1929). В Париже был известен и другой танцор, кабардинец Руслан Джанбеков, который выступал с кавказскими танцами на многих благотворительных концертах. При этом Руслан был президентом *Ассоциации беженцев-горцев Северного Кавказа* (1932 г.), президентом *Общества горских народов Северного Кавказа*, членом-основателем масонской ложи (1926–1931 гг.). И наконец, в Париже много лет работал ингуш Дж. Албогачиев, который выступал, например, в кавказском кабаре по адресу пл. Пигаль, д. 63 (1931 г.), кабаре-шашлычной “Казбек” (1947 г.) и одновременно с этим занимался изданием журнала “Северный Кавказ” (1934–1939 гг.) (Некролог 1949). Северокавказские танцоры принимали участие во всех благотворительных балах, которые организовывали общественные организации их диаспор (АМТ: Кор. VII).

На эти вечера охотно приезжали и русские артисты. Например, 11 февраля 1928 г. состоялся концерт, устроенный Объединением черкешенок Северного Кавказа. На нем выступали русские певцы С. Леонова и Александр Мозжухин, артисты балета М. Тиканова и С. Троянов, певица кабаре Валентина Кузнецова (АМТ: Кор. VII). В других концертах черкесского объединения участвовали М. Андропова, М.С. Балачев, М.О. Бутусова, С. Яковлева, А.В. Михайлов, исполнитель цыганских песен В.П. Михайлов, полковник лейб-гвардии Е. В. Уланского полка Константин Васильевич Балашов, ставший в эмиграции певцом (*Чуваков* 1999: 188).

Адыг (кабардинец) К.Н. Хагондоков дружил с соплеменниками из Малой Кабарды Таусултановыми, с семьей кабардинца И.М. Шакова. И Шаков, и Хагондоков были дворянами (узденями), оба стали активными членами эмигрантской общественно-политической жизни во Франции в 1920-е годы, оба стали впоследствии членами масонских лож. Когда К.Н. Хагондоков только приехал в Париж, вначале он жил в доме И.М. Шакова. Некоторые адыги стремились сохранять связи с членами своих семей, которых разбросало по Европе. Например, своих родственников в Англии посещал адыг В.Н. Гаджемуков. Но так происходило не всегда. Писатель, осетин Гайто Газданов по своему характеру и образу жизни (долгие годы он являлся членом масонской ложи “Северная звезда”) был человеком нелюдимым. Поэтому неудивительно, что он не общался со своими родственниками, которые тоже проживали в Париже, в частности с двоюродными братом и сестрой. Его брат Георгий Данилович жил в бедности и в 1958 г. был похоронен в общей могиле на кладбище Тие. В 1921 г. во Франции вместе со своим маленьким сыном оказался военный врач, осетин Александр Дзантиев. Они жили в Париже, но со своим знаменитым родственником, общественным деятелем Д. Дзанти не контактировали (ПМА: Л. Джанаева).

Конечно, национальные культуры и среды южнокавказцев – грузин, армян и азербайджанцев – в эмиграции сохранились лучше, чем северокавказские. Во-первых, в силу того, что численность выходцев с Южного Кавказа была значительно больше; во-вторых, потому что культуры южнокавказских народов (особенно армянская и грузинская) насчитывали многие века. Общались ли южнокавказцы с северокавказцами? И включали ли они последних в свою национальную среду? Бывало по-разному. Те армяне, азербайджанцы или грузины, которые разрабатывали в эмиграции идеи создания независимой Конфедерации кавказских государств (Кавказской конфедерации) (в частности, азербайджанец Али Мардан Топчибаши), широко пропагандировали идею общекавказской идентичности. Топчибаши активно контактировал с северокавказцами, которые были ему нужны не только для бытового общения, но и для решения политических задач. Была ли во Франции общекавказская диаспора? И общекавказская культура? И общекавказская идентичность? Сторонники идеи Кавказской конфедерации считали, что да. Однако так думали не все: между южнокавказцами и

горцами Северного Кавказа были слишком большие различия. Осетин Т. Елекхоти, например, приводил мнение грузина Н.В. Рамишвили о горах:

Мы, грузины, боимся конфедерироваться с горами... За Грузией стоит мировое общественное мнение и при таком сочувствии мировой демократии Грузия имеет все шансы выиграть свою независимость и мы боимся, что Северный Кавказ явится для Грузии тяжелым балластом на ее политических путях и наконец горы несомненно являются реакционным элементом, где влияние религии и всякого рода шейхов велико и его трудно будет примирить с передовыми социалистическими устремлениями грузинского народа. При таких условиях нам сговориться с Россией будет легче без вас, а таща горцев за собой от России, нам надо будет ссориться с ней (*Елекхоти* 1934: 13).

Созданные в Париже кавказские культурные и общественные центры, как правило, делились по национальному признаку и отдельно друг от друга проводили свои встречи и праздники (Хроника 1935). В 1926 г. в помещении Азербайджанской делегации состоялось празднование восьмой годовщины провозглашения независимости Азербайджанской, Грузинской и других республик: “Зал был украшен азербайджанскими флагами, шаялями, фотографиями из жизни национального Азербайджана... Всем гостям азербайджанские дамы предлагали чай, национальные печенья и сладости” (АМТ: Кор. IV).

Лишь однажды, в 1930 г., состоялся праздник Независимости всех республик Кавказа, в котором принимали участие политические деятели всех национальных центров. Отмечали с размахом. Был взят в аренду замок Шато де Блуа (департамент Блуа), он был украшен флагами кавказских республик. Прием устраивала жена осетина Т. Элекхоти — француженка Клара Милль. Известно, что на празднике присутствовали азербайджанцы, супруги Топчибаши: Али Мардан и Пери-Ханум (Хроника 1930).

Были южнокавказцы и северокавказцы, которые во Франции дружили между собой. И те, и другие очень тосковали по родине. Например, кумык Г. Баммат много общался с грузином, генерал-майором Г.И. Квинитадзе (ПМА: М. Баммат). Один из крупнейших деятелей Азербайджана Али Мардан Топчибаши имел не только деловые, но и дружеские контакты с кабардинцами К.Н. Хагондоковым и И.М. Шаковым. Надо отметить, что между отдельными представителями Северного и Южного Кавказа тесные связи появились еще до революции, во Франции они лишь укреплялись. Так, известный военный и промышленник, грузин А.В. Амилахвари до эмиграции был членом правления нефтяного промысла чеченцев Чермоевых. В Париже он стал одним из основателей “кавказской” мasonicкой ложи “Золотое руно” (1924–1926 гг.), куда пригласил и северокавказцев (в т.ч. и А.М. Чермоева). Были южнокавказцы, которые родились на Северном Кавказе, например, грузин, генерал Российской армии Н.Н. Баратов, окончивший Владикавказское реальное училище. В Париже он возглавлял *Союз русских военных инвалидов*, работал редактором газеты “Русский инвалид” и, конечно, общался с северокавказскими эмигрантами.

В столице Франции было несколько мест, где кавказцы объединялись на основе общей истории и культуры. По инициативе русской графини А.И. Воронцовой-Дашковой в 1930-е годы здесь был организован *Кружок друзей Кавказа*, целью которого было создание среды для общения лиц, так или иначе связанных с этим регионом или интересующихся им (*Мнухин* 1995: 150). Представители всех кавказских народов делали на нем доклады на посвященные Кавказу темы. В конце 1920-х годов появился *Союз народов Кавказа*, ставивший перед собой задачу объединить все народы региона. Он проводил встречи кавказцев, для которых приглашались докладчики, например осетин М.Н. Абациев (Там же).

В качестве фундамента для объединения всех кавказцев во Франции, разумеется, использовались их традиции. В Париже издавались журналы, в которых публиковались различные сюжеты о нравах и быте Кавказа (часто это были перепечатки из

дореволюционных статей). Азербайджанец Али Мардан Топчибаши предложил создать в столице объединение под названием *Кавказская семья патриотов Кавказских стран* (или просто “Кавказская семья” – “*Famille Caucasienne*”), целью которого и было призвать патриотов Армении, Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа следовать национальным кавказским традициям (АМТ: Кор. V). Любопытно, что когда Топчибаши пришлось “выбивать” большой долг из чеченца А.М. Чермоева, то он взывал именно к объединяющим кавказским традициям (АМТ: Кор. XI).

Адаптируясь во Франции, северокавказские эмигранты сохраняли, как правило, свое вероисповедание: в основном ислам и православие. Несмотря на то что принятие крещения не было обязательным условием для военной службы горцев в Российской армии (в ней были и мусульманские полки), однако это, безусловно, приветствовалось. Случаи перехода из исламского вероисповедания в православие среди северокавказских военных или гражданских чиновников в течение XIX – начала XX в. были частыми. Поэтому неудивительно, что во Франции в 1920-е годы оказалось много православных северокавказцев. Единицы возвращались в ислам. Были здесь и северокавказцы-мусульмане. В 1930-х годах они получили возможность хоронить своих собратьев на мусульманском кладбище в пригороде Парижа – Бобиньи. В эмиграции общественно-политические силы Кавказа этого периода стремились объединить уроженцев региона, и разная религиозная принадлежность в данном случае могла являться препятствием к этому. Поэтому религиозные ценности не были определяющими в формировании кавказского (северокавказского) единства в Европе в 1919–1939 гг. (Бабич 2018).

В русской эмигрантской среде Франции возникла своя элита, отражавшая структуру дореволюционного российско-имперского общества. Желание воссоздать эту социальную иерархию привело к появлению *Общероссийского гербовника*³, куда заносились фамилии из числа российско-княжеских родов. В него вошло и несколько кавказских фамилий: грузинские (Багратионы, Дадиановы, Цициановы), два ногайских рода (Урусовы и Юсуповы) и один кабардинский (Черкасские – потомки владельцев Большой Кабарды). В эмиграции были два потомка Черкасских из Большой Кабарды: генерал-майор Российской армии Тембот и его племянник офицер Эльмурза Бековичи-Черкасские. В Общероссийском гербовнике также были указаны фамилии, возведенные в российско-княжеское достоинство Высочайшими указами: грузинская (Аргутинские-Долгорукие) и дагестанская (Тарковские – потомки владельцев шамхальства Тарковского). После революции князь Нух Бек Шамхал Тарковский предпринял осесть не во Франции, а в Иране (Тегеране), где состоял на службе у местного шаха. Но он часто бывал в Европе и умер в 1951 г. в Лозанне (Швейцария). В европейской эмиграции оказались два представителя фамилии Тарковских: Урхан Шамхал (Польша) и Талат Шамхал (Бельгия) (АМТ: Кор. V).

Во Франции сформировалась российская княжеская среда, куда входили люди с титулами. Приведем пример. 22 ноября 1956 г. умерла княгиня София Евстафиевна Багратион-Мухранская. Несмотря на то что к этому времени она уже проживала не во Франции, а в США, в парижской газете “Русская мысль” был опубликован некролог, подписанный исключительно княгинями – эмигрантками первой волны: женой кабардинского генерала Надживат Бекович-Черкасской и Русудан Дмитриевной Меликишвили (*Бекович-Черкасская, Меликишвили* 1956: 30). Существовала во Франции и дворянская элита. 23 ноября 1925 г. там был основан *Союз дворян* (его председатели – В.П. Трубецкой, П.П. Менделеев), составлен список всех российских (в т.ч. и кавказских) дворян в стране. В него вошло 540 человек, но не были включены, во-первых, те, кто принял французское гражданство, и, во-вторых, члены русских масонских лож (для них был сделан отдельный список). В Париже, естественно, проживало много грузинских дворян (например, А. Тарсайдзе, С. Эрдели и др.), но были и северокавказские князья и первостепенные уздени из “аристократических”

(адыгских) племен (например, адыг, дипломат В.Н. Гаджемуков). В журнале Союза дворян часто издавались статьи эмигрантов, имевших титулы. Например, там публиковался абхаз, князь Николай Чхотуа, который вначале жил в Париже, а потом в Швейцарии.

Во Франции появился и русский профессиональный союз – *Общество русских шоферов* (Section des Chauffeurs Russes A.C.). В Париже в 1930-е годы было 15 тыс. такси, 22 тыс. таксистов, из них примерно 2–2,5 тыс. русских эмигрантов. В обществе было зарегистрировано 650 человек. При нем функционировали *Дамский комитет* и *Общество взаимопомощи русских шоферов*, которые занимались организацией различных видов поддержки, включая отдых для водителей и их семей (как правило, на морском побережье Франции или в альпийских горах Швейцарии). Членами Общества русских шоферов были и таксисты-северокавказцы (Общество 1936).

* * *

Рассмотрение ключевых факторов, влиявших на формирование кругов общения северокавказцев во Франции в 1920–1930-е годы, показало превалирование политических аспектов над социально-общественными и национально-культурными. Представители народов Северного Кавказа, оказавшиеся после Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции во Франции, относительно успешно адаптировались к новым условиям существования. С одной стороны, благодаря созданию национально-культурных кругов общения им удавалось сохранять свою идентичность, с другой – политические причины их эмиграции не могли не влиять на их взаимоотношения с соплеменниками. Ключевым критерием объединения или разъединения горцев Северного Кавказа стали политические взгляды, которые могли делать соотечественников настоящими врагами. Одних тянуло к русским, и они плотно общались с русскими эмигрантами, обращались в русские общественные организации за помощью, становились членами русских профессиональных союзов; других снелада ненависть к русским, их культуре и языку, и они всячески избегали контактов с представителями русской колонии, предпочитая устанавливать связи с французской средой. Одни видели будущее Кавказа, в т.ч. и Северного, в составе России, другие – только в форме независимых государств. Эти обстоятельства, безусловно, во многом разъединили кавказских эмигрантов и ослабляли их этническую общность в 1920–1930-е годы во Франции. Рассмотрев вопрос о роли этнического фактора в ходе адаптации северокавказцев в новой стране, можно сделать вывод о том, что в основе их жизни была “политическая” ориентация (монархическая или националистическая). Этнический фактор был важен лишь в рамках определенной политической группы. Постепенно в эмиграции этническая идентичность горцев размывалась.

Примечания

¹ Парижская мирная конференция — международная конференция, созванная державами — победительницами в Первой мировой войне для выработки и подписания мирных договоров с побежденными государствами. Проходила в несколько этапов в период с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. при участии 27 государств.

² Абхазы и калмыки во французской эмиграции тяготели к северокавказцам.

³ Общий гербовник дворянских дворов Всероссийской Империи появился в 1797 г. в ходе реформы, проведенной Павлом I в области дворянской родовой геральдики.

Источники и материалы

АБЛФ — Архив Большой ложи Франции. Париж (Франция).

АМТ — Архив Али Мардана Бека Топчибаши (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы. École des Hautes Études en

- Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук) (CERCEC, EHESS). Париж (Франция). Материалы архива хранятся в коробках.
- АН – Архив Ниццы (Archive départementales. Alpes Maritimes. Nice). Ницца (Франция).
- АП – Архивы Парижа (Archives de Paris). Париж (Франция).
- АПП – Архивы Префектуры полиции (Les archives de la préfecture de police). Париж (Франция).
- АЦК – Архив Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей // Дом Русского Зарубежья. Москва.
- Байтуган* 1934 – *Байтуган Б.* Нужно ли это? // Горцы Кавказа. 1934. № 49. С. 28–29.
- Бекович-Черкасская, Меликишвили* 1956 – *Бекович-Черкасская Н., Меликишвили Р.Д.* Некролог // Русская мысль. 1956. № 992. С. 30.
- Бурышкин* – *Бурышкин П.А.* История русских масонских лож // Архив Большой ложи Франции. Кор. III. С. 1–25.
- Вачагаев* 1 – *Вачагаев М.* Горская эмиграция в Европе. Ч. 1. etokavkaz.ru/kavkaz-v-bolshom-mire/gorskaya-emigratsiya-v-evrope-chast-1.
- Вачагаев* 2 – *Вачагаев М.* Горская эмиграция в Европе. Ч. 2. etokavkaz.ru/kavkaz-v-bolshom-mire/gorskaya-emigratsiya-v-evrope-chast-2.
- Джаван* 1935 – *Джаван.* Практические задачи северо-кавказской эмиграции // Северный Кавказ. 1935. № 14. С. 10.
- Елекхоти* 1934 – *Елекхоти Т.* Итоги 14 лет // Кавказ. 1934. № 13. С. 13–16.
- Мнухин* 1995 – *Мнухин Л.А.* (общ. ред.) Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940. Франция. Т. 1. Париж; М.: УМСА-Press; ЭКСМО, 1995.
- Мнухин, Авриль, Лосская* 2008 – *Мнухин Л.А., Авриль М., Лосская В.* Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 2008.
- Мурза-Бек* 1930 – *Мурза-Бек.* К вопросу о северных границах Республики Горцев Кавказа // Горцы Кавказа. 1930. № 13–15.
- Некролог 1949 – Некролог // Русская мысль. 1949. № 171. С. 9.
- Некролог 1964 – Некролог // Родимый Край. 1964. № 55. С. 11.
- Некролог 1969а – Некролог // Родимый Край. 1969. № 83. С. 10.
- Некролог 1969б – Некролог // Родимый Край. 1969. № 84. С. 10.
- Общество 1936 – Общество русских шоферов // Иллюстрированная Россия. 1936. № 21. С. 8.
- ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция во Францию, Париж, январь 2009 г., апрель 2014 г., марта 2015 г., февраль 2016 г. (информанты: Т. Битарова, 1940 г.р.; Л. Джанаева, 1970 г.р.; М. Баммат, 1940 г.р.).
- Реклама 1929 – Реклама // Иллюстрированная Россия. 1929. № 51. С. 14.
- Реклама 1930 – Реклама // Иллюстрированная Россия. 1930. № 7. С. 20.
- Рядовой Горец 1929 – Рядовой Горец. Горский вопрос на страницах журнала “Вольное Казачество” // Горцы Кавказа. 1929. № 4–5. С. 10.
- СГ – Семейный (частный) архив Гаджемуктовых // Себастьян Гаджемуков. Париж (Франция). Материалы находятся в частном архиве (систематизации нет).
- Хроника 1930 – Хроника // Независимый Кавказ. 1930. № 3. С. 28.
- Хроника 1933 – Хроника // Горцы Кавказа. 1933. № 41. С. 31.
- Хроника 1934 – Хроника // Кавказ. 1934. № 1. С. 15–16.
- Хроника 1935 – Хроника // Северный Кавказ. 1935. № 11–12. С. 12.
- Чуваков* 1999 – *Чуваков В.Н.* (сост.) Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001 / Под ред. Е.В. Макаревич: В 6 т., 8 кн. Т. 1. М.: Пашков дом, 1999.
- LFP – Liste alphabétique des personnes ayant acquis ou perdu la nationalité française par décret // Les archives de la préfecture de police (Архивы Префектуры полиции). Париж (Франция).

Научная литература

- Бабич И.Л.* Гайто Газданов и масонская ложа “Северная звезда” // Новый исторический вестник. 2016. № 3. С. 184–197.
- Бабич И.Л.* Религиозная жизнь северокавказских эмигрантов во Франции (1920–1940-е годы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3–1. С. 127–135.
- Исхаков И.* “Кристаллизация” горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 3–31.

Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939. М.: Кстати, 2001.

Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002.

Mamoulia G. L'Histoire du Groupe Caucase (1934–1939) // Cahiers du Monde russe. 2007. № 48 (1). P. 45–85.

Research Article

Babich, I.L. Politics and Social Circles of North Caucasians in France in the 1920s and 1930s [Politika i krugi obshcheniia severokavkaztsev vo Frantsii v 1920–1930-e gody]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 105–120. <https://doi.org/10.31857/S086954150010051-6> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Irina L. Babich | <http://orcid.org/0000-0003-1879-1608> | babi7chi@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

France, North Caucasian emigrants, culture, adaptation, politics

Abstract

During the 1920s, France saw an influx of immigrants from the Soviet Russia, which included newcomers from the North Caucasus who could not accept the change of political power in their region. This article draws on field and archival research to examine the social and cultural milieu in which North Caucasian émigrés found themselves in France of the 1920–1930s. I discuss the part that the factors of ethnic identity and origin played in the adaptation of highlanders to the new condition of life, and argue that it was in fact the factor of “political” orientation (monarchic or nationalistic) that lay in the foundation of their new social way of living. The ethnic factor was not significant but within a framework of certain political groups. Furthermore, as time went on, the national identity of North Caucasians tended to gradually fade and become less distinct.

References

- Babich, I.L. 2016. Gaito Gazdanov i masonskaia lozha “Severnaia zvezda” [Gaito Gazdanov and the Northern Star Masonic Lodge]. *Novyi istoricheskii vestnik* 3: 184–197.
- Babich, I.L. 2018. Religioznaia zhizn' severokavkazskikh emigrantov vo Frantsii (1920–1940-e gody) [Religious Life of North Caucasian Emigrants in France (1920–1940s)]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'* 10 (3–1): 127–135.
- Iskhakov, I. 2001. “Kristallizatsiia” gorskogo osvoboditel'nogo dvizheniia. Razmyshleniia B. Baitugana ob istorii musul'man Severnogo Kavkaza i Dagestana [“The Crystallization” of the Highland Liberation Movement. B. Baitugan's Reflections on the History of Muslims of the North Caucasus and Dagestan]. *Voprosy istorii* 5: 3–31.
- Mamoulia, G. 2007. L'Histoire du Groupe Caucase (1934–1939). *Cahiers du Monde russe* 48 (1): 45–85.
- Menegaldo, E. 2001. *Russkie v Parizhe. 1919–1939* [Russians in Paris. 1919–1939]. Moscow: Kstati.
- Sabennikova, I.V. 2002. *Rossiiskaia emigratsiia (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [Russian Emigration (1917–1939): a Comparative Typological Study]. Tver: Zolotaia bukva, 2002.